

Трубникова Н.Н.

доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», Россия 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 90; старший научный сотрудник ШАГИРАНХиГС, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82; профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. E-mail: trubnikovann@mail.ru.

«Не презирать людские дела»: конфуцианство в Японии XIII в. и вопрос о «маленьком человеке»

Аннотация: Конфуцианство в японской мысли представлено в том числе и памятниками «лёгкого» философского жанра, рассчитанными не на знатока, а на юного читателя, только ещё начавшего знакомиться с китайской и японской классической словесностью. Один из таких текстов, «Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё:», 1252 г.), содержит поучительные рассказы, призванные показать, как учения Конфуция, Будды и других мудрецов оказываются полезными для повседневной жизни. В статье разобраны два раздела «Сборника»: о том, что не следует превозноситься над другими людьми и пренебрегать ими. Что делает человека «великим» или «маленьким»? Как отделить должное достойное поведение от чванного, где кончается уважение к общественной иерархии и начинается презрение к ближним? Почему опасно недооценивать окружающих? Эти вопросы практической этики «Сборник» рассматривает на примерах из жизни знаменитых людей Китая и Японии. Статья содержит перевод некоторых из рассказов «Сборника» (из разделов 2 и 3).

Ключевые слова: философская мысль Японии, конфуцианство, буддизм, «Сборник наставлений в десяти разделах».

История конфуцианства в Японии в изложении исследователей японской философской мысли обычно распадается на два этапа: древность, когда конфуцианство было усвоено вместе с другими достижениями материковой культуры (с VIII в. и, условно, до начала X в.) – и Новое время, период расцвета конфуцианских наук в XVII–XVIII вв. Столетия, которыми разделены эти две эпохи, изуче-

ны меньше. Разумеется, труды Конфуция и его китайских продолжателей составляли основу традиционного образования в том числе и в Средние века, и любой грамотей отчасти был конфуцианцем, однако остаётся спорным вопрос, внесли ли тогдашние японские мыслители сколько-нибудь значимый вклад в развитие этого направления дальневосточной мысли. Главная трудность заключается в том, что темы конфуцианского учения у японских авторов редко звучат обособленно; чаще отсылки к текстам Конфуция, Мэн-цзы или Сюнь-цзы можно встретить в сочинениях, общая направленность которых – буддийская или синто-буддийская. Вообще выделить не религиозную, а светскую составляющую в японской средневековой мысли непросто; правда, строго религиозные тексты тоже редки. И буддийские монахи, и жрецы синто так или иначе обсуждают устройство государства, отношения между правителем и подданным, обязанности человека перед семьей – и все эти рассуждения ведутся на конфуцианском языке.

Если искать, когда в Японии в Средние века могли бы появиться преимущественно светские, конфуцианские сочинения, то имеет смысл обратиться к эпохе Камакура (конец XII в. – начало XIV в.). В эту пору, при первом сёгунате, возникает сразу несколько «исключительных» учений: таких, где многообразные буддийские пути отвергаются в пользу какого-то одного, будь то амидаизм или дзэн, или где делается попытка обойтись без буддийских терминов при изложении жреческих знаний о почитании богов¹. Один из памятников этого времени можно назвать если не исключительно-конфуцианским, то во всяком случае близким к тому.

Это «Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё»²), 1252 г.), текст, написанный в лёгком жанре: не трактат и не комментарий, а собрание поучительных историй с предисловиями рассказчика к каждому разделу³. Книга обращена к юношеству и решает две главных задачи: преподать уроки практической этики и ввести в мир классической словесности, китайской и японской, познакомить с

¹ См.: Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М., 2014.

² Здесь и ниже в транскрипциях японских слов двоеточие обозначает долготу гласного.

³ Я пользуюсь изданием: Дзиккинсё / Под ред. Асами Кадзухико / Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю [Полное собрание памятников японской классической литературы. Новая серия]. Т. 51. Токио: Сёгаккан, 1997.

тем набором расхожих цитат, без которых трудно представить речь образованного человека. Составитель сборника точно не известен; вероятно, этот «монах в миру Дзиродзэмон из Рокухара» был воином-грамотеем, входившим в свиту представителя сёгуна в столице. Хотя «Сборник» относится к традиции «литературы поучительных рассказов», *сэцува бунгаку*, здесь, в отличие от других собраний *сэцува*, почти нет речи о карме, посмертной участи, о чудесах и т.п., зато много говорится о счастье в земной жизни, о долге перед господином и перед родными, о доброте к ближним и дальним, о дружбе и любви, о том, как важно развивать свои врожденные дарования и быть внимательным к талантам других. Многие, казалось бы, вполне религиозные сюжеты здесь пересказываются под необычным углом зрения: как примеры отношений человека не с богами и буддами, а с другими людьми.

В японских средневековых текстах, в том числе и в «Сборнике», равенство людей выглядит невозможным: любые отношения мыслятся как иерархические, либо снизу вверх, либо сверху вниз⁴. Казалось бы, такое устройство жизни очень удобно, особенно если выработаны способы временного отхода от субординации. И в семье, и на службе человек чётко знает своё место, подчиняется старшим, распоряжается младшими, и лишь на досуге, за выпивкой и сочинением стихов, может ненадолго почувствовать себя вольно, в дружеском кругу равных. Казалось бы, при этой установке каждый человек неизбежно на кого-то смотрит свысока. Но любопытно, насколько опасными считаются крайности такого отношения. «Сборник» отводит целых два раздела рассказам о том, сколь неправильно чваниться, кичиться собственным положением, и презирать, принижать других людей. В этой статье мне хотелось бы разобрать, что в «Сборнике» понимается под чванством и презрением и почему они осуждаются.

Среди источников «Сборника» преобладают сочинения историков, поэтические сборники и прочие тексты, которые невозможно отнести к какой-то одной из традиций дальневосточной философской мысли. Однако, как мне кажется, в связи с темой «презрения к людям» в этой книге проявляется одна из черт, важных именно для конфуцианской традиции. Иерархически выстроенный мир людей, где

⁴ См.: Трубникова Н.Н. «Равные помыслы»: истории о дружбе в японской словесности (по «Сборнику наставлений в десяти разделах») // Человек. 2015. № 6. С. 142–160.

почитание старших и забота о младших закреплены правилами «ри-туала» (кит. *ли*) и упорядочивают жизнь лучше, чем законы, – вся эта картина вполне сообразна конфуцианскому учению, как в Китае, так и в Японии. Но к кому обращено это учение, какого человека оно воспитывает? Если бы оно указывало каждому его место, всё было бы просто. Однако наставления Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы тем и примечательны, что учат видеть иерархию в целом. Их ученик в конечном итоге – человек, способный двигаться вверх-вниз по общественной лестнице, при надобности давать советы самому государю, а при надобности выслушивать простых людей вплоть до низших, чтобы потом опять-таки довести их слова на самый верх. Знай своё место – но также знай, что место это тебе отведено не навсегда, что ты, развивая свои таланты, можешь подняться выше, но можешь и скатиться вниз, причём не из-за бездарности, а из-за того, что окажешься неугоден и должен будешь это принять, – такое противоречивое самосознание можно проследить и у японских приверженцев Конфуция. В особенности оно было насущно для составителя «Сборника наставлений» и того круга, к которому он принадлежал: круга воинов-чиновников на службе первого сёгуната в середине XIII в., в пору, когда само воинское правление пусть и утвердилось наряду с правлением государева двора, но всё ещё оставалось под сомнением.

Итак, никто не может знать, где кончается его мера законной гордости, а где начинается «чванство» (*кё:ман*). Само это понятие отсылает не к книгам древнекитайских мудрецов, а к буддийскому учению, где как раз правильным оказывается взгляд на людей как на равных: любая иерархия ничтожна, копь скоро и правитель, и простолюдин, и слон, и букашка равно смертны, одинаково подчинены закону воздаяния. Но и здесь, раз каждый возрождается в том или другом теле сообразно прежним поступкам, то есть повод гордиться, считать нынешнее своё высокое положение итогом прошлых заслуг. Буддийские наставники всячески призывают ценить свою долю (кто родился человеком, тот, стало быть, много хорошего совершил в прежних жизнях), но не принижать других, ни на словах, ни тем более на деле, не допускать ни насмешек, ни насилия над слабыми. Ведь это значило бы тратить благие плоды на выращивание дурных плодов, портить себе же самому будущую жизнь.

Как сказано в «Сборнике наставлений» во введении к разделу 2, «чванятся» люди не только собственными достоинствами, но и своим окружением, семьёй, службой и пр. Причем это окружение люди по-

рой видят весьма замысловато: так, почитатели старины «чванятся» именно ею, и глядя словно бы из неё, бранят тот век, в котором живут.

Говорят: люди в мире по большей части чванны, а искренне скромных мало.

Одни нескромны по части самих себя. Не соразмеряют своей доли, возносятся слишком высоко, пренебрегают господами, принижают ближних.

Или же люди крепко держатся за собственную пристрастность: своё мнение считают наилучшим, а что говорят другие, того не используют.

Иные ведут себя несообразно времени: такие люди ценят только старину и не следуют за нынешним веком.

Другие, наоборот, считают: нынче, мол, уже так принято, – и в свете держатся с людьми панибратски. Или приходят туда, где люди веселятся, сами не раскрываются и портят другим настроение, так что всё собрание делается унылым.

Некоторые хулят чужие дарования и способности. Разбираясь в чём-то, полагаются на свой дар и презируют десятки тысяч людей.

Или бывают люди, по-глупому преданные, считают: кроме моего господина нет выдающихся людей, кроме моей родни никто не пригож и не благовравен.

А есть ещё такие, кто смешон по части вкуса. В старину, мол люди понимали красоту, не проходили понапрасну мимо цветов или луны, а теперь времена переменились, восхищаться стали умеренно, люди считают излишним, когда кто-то увлекается всем сердцем...

А ещё бывают пороки поведения, когда люди ведут себя вызывающе или смешно.

Обычно всё это происходит от чванства, от скудости помыслов. Из-за этого можно или жизни лишиться, или прийти в итоге к глубокому разочарованию. А значит, своё временное тело лучше бы смирять, в возвеличивании древности сдерживаться, любопытствуя вещами, избегать людских взоров, следовать хорошенько усвоенным обычаям и не давать воли сердцу.

«Скудость помыслов» здесь – *кокоро-но сукунаки*, тж. «малость сердца/ума». Это выражение можно соотнести с понятием «маленького/ограниченного человека», *сё:нин*, о котором речь пойдёт ниже.

Рассуждая о «чванстве», составитель «Сборника» напоминает слова из буддийской «Сутры о нирване»: «Будь учителем для своего

сердца, но не давай сердцу быть твоим учителем»⁵. Трудно следовать словам из «Бесед и суждений» Конфуция: «В бедности не заискивать, в богатстве не чваниться» («Лунь юй», 1–15), но нужно стараться вести себя так, быть «скромным» (*омбин*).

Раздел о чванстве – самый краткий в «Сборнике», в него входят всего пять рассказов. Первый воспроизводит отрывок из древнекитайской книги «Ле-цзы». В ней сказано, что мудрец Сунь-шу Ао (VII–VI вв. до н.э.) всю жизнь следовал предостережению о «трёх печалях»: «Когда чин велик, люди этому завидуют. Когда должность высока, это беспокоит государя. И когда жалованье велико, это озлобляет других». Поэтому он старался быть скромным и щедрым и сыну заповедал избегать почестей.

Второй рассказ восходит к книге «Чжуан-цзы». Путешествуя в горах, Чжуан-цзы с учениками видят, как лесоруб рубит стройные деревья, а кривые щадит. Остановившись на ночлег в доме местного жителя, они замечают, что тот зарезал для гостей обычного гуся и пощадил другого гуся, голосистого. Ученик спрашивает у Чжуан-цзы: как же это понимать? Из деревьев уцелело то, что выглядело хуже других, а из гусей – тот, который лучше. Учитель отвечает: да, таков обычай в мире. Стараться не выделяться из ряда себе подобных, держаться скромно – можно и правильно, но смирение не обеспечивает безопасности.

Третий рассказ отведён ещё нескольким примерам из китайской древности. Поэт Цюй Юань в III в. до н. э. не был услышан современниками и покончил с собой, утопившись в реке. А ещё раньше праведные мужи Бо И и Шу Ци, отчаявшись убедить государя править добродетельно, удалились в горы и там умерли с голоду (об этих двоих с большим сочувствием вспоминал Конфуций в «Беседах и суждениях»). «Все трое были из тех, кто увещевает, когда надо увещевать, и отступается, когда надо отступить», – пишет составитель «Сборника». Правда, споры о том, правильно ли поступили эти люди, продолжались многие века и в Китае, и в Японии; в «Сборнике» приведено стихотворение японского поэта X в. Татибана-но Ёрихиры, где их гибель названа напрасной.

Японский пример чванного человека в «Сборнике» – Оно-но Комати (825–900), знаменитая поэтесса и первая красавица своего века. Если следовать буддийскому учению в расхожем его понимании, то

⁵ ТСД 12, № 375, 778с–779а.

хвалиться ей было нечем: ведь она родилась женщиной, а это говорит о дурных делах в прежних жизнях. Конфуцианские наставления предписывают женщине следовать за родителями, мужем, детьми, деятельно проявлять себя ей незачем. Но Комати исключительно гордилась собой: и красотой, и поэтическим даром. В юности она надевала только лучшие наряды, ела лучшие кушанья, на устах её были только песни, а поклонников она отвергала, помышляя стать наложницей государя или даже государыней. Потом все её родные умерли, Комати впала в нищету, красота её померкла, и в итоге пришлось выйти замуж за знакомого поэта, чиновника невысокого ранга, и уехать из Столицы в дальнюю глушь (рассказ 2–4).

Завершают раздел по чванстве примеры древних башен и дворцов, задуманных с размахом, но в древности же и разрушенных (рассказ 2–5). Они должны были зримо воплощать величие правителей, а стали примерами тщеты любых горделивых замыслов. Итак, скромность нужна даже государю, не говоря уж об обычном человеке. И здесь же составитель «Сборника» вспоминает широко известный пример из буддийской «Лотосовой сутры». Это бодхисаттва по имени Никогда Не Презирающий: его бранили, над ним насмехались, но он всем говорил: «Я глубоко почитаю вас и не могу относиться к вам с презрением...» (собственно, не могу «высокомерно пренебрегать» вами, *кё:ман*). Этот бодхисаттва стал буддой, отсюда вывод: смирение полезно не только для нынешней жизни, но и для посмертной участи. В «Сборнике» слова Никогда Не Презирающего процитированы не до конца, а в сутре они звучат так: «... потому что вы все будете следовать Пути бодхисаттвы и станете буддами!»⁶. Читатели «Сборника» хорошо знали это изречение, ведь «Лотосовая сутра» в Японии XIII в. была одним из самых известных буддийских текстов.

* * *

Итак, обычно люди превозносятся над другими потому, что неверно понимают себя самих. Тем более неправы те, кто заранее уверен, с кем имеет дело, когда встречается другого человека, судит о нём по внешнему впечатлению. Третий раздел «Сборника» содержит ше-

⁶ ТСД 9, № 262, 50с; см.: Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Издание подг. А.Н. Игнатович. М., 1998. С. 265.

стнадцать рассказов, все они – примеры того, как легко попасть впро- сак, если ставить другого человека ниже себя.

Заглавие раздела – «Не презирать людские дела», *Дзинрин-о ана- дорадзару кото*. Оно отсылает сразу к нескольким конфуцианским источникам, но на мой взгляд, прежде всего к книге «Мэн-цзы», хотя прямых цитат из неё в этом разделе и нет. «Презирать» здесь – кит. у, яп. *бу/анадору*, не просто «пренебрегать», «низко ценить», а ещё и деятельно выражать эту оценку: «оскорблять», «насмехаться» и пр. У Мэн-цзы (Глава «Ли Лоу» 1, 16) сказано: «Кто почтительный, тот не оскорбит никого, а кто скромный, тот не ограбит никого. Как может удалиться правителю, оскорбляющему и грабящему людей, быть почти- тельным и скромным, когда он только и боится того, что люди не бу- дут покорны ему?»⁷. Предмет презрения в «Сборнике» – не просто «люди», «другие», но «людские дела», кит. *жэньлунь*, тж. «разряды людей» или «людские отношения». По Мэн-цзы (Глава «Тэнский Вэнь-гун» 1, 3), «когда в верхах понимают должные взаимоотноше- ния между людьми, тогда пробуждаются родственные чувства у про- стого народа...»⁸. У Мэн-цзы в обоих случаях речь идёт о государст- венных делах, о должном взгляде правителя на народ, но позже в конфуцианской традиции то же самое считается справедливым и для частных дел, для любых отношений между людьми.

Введение к третьему разделу «Сборника» выглядит так.

Некоторые говорят: презрение к людям может выглядеть по- разному, но оно непременно есть у каждого.

Или презираешь тех, кто беден и незнатен. Или презираешь тех, кто не умён. Презираешь тех, кто ниже тебя: что бы они ни сделали, что бы ни сказали, думаешь: да что с них взять... Некоторые прези- рают родных и друзей, а многие – тех, чья судьба несчастлива; всё, что те делают и что с ними происходит, считают ничтожным, дума- ют: что ни сделает никчёмный человек, всё напрасно.

Так бывает с людьми, кому недостаёт мудрости. Из-за этого го- ворят, чего не надо бы говорить, делают, чего не надо бы делать, ло- зы презрения опутывают тебя, и ты, сам того не желая, совершаешь постыдные поступки, и о тебе идёт такая молва, какая никому не нужна. Ибо ты низко ценишь других людей, считаешь их ниже себя.

⁷ Мэн-цзы / Предисловие Л.Н. Меньшикова. Перевод с китайского, указатели В.С. Колоколова. СПб., 1999. С. 111.

⁸ Мэн-цзы. С. 77.

«Даже на убогих сирот и вдов нельзя смотреть свысока». Нужно глубоко доверять тому, что записано в книгах. С людьми нужно быть крепко осмотрительным.

«Несчастливая судьба», *фуун*, здесь означает, скорее, исходные условия: место рождения, семью и пр., а не неудачи в течение жизни. Слова о вдовах и сиротах отсылают к «Основам управления годов Чжэнь-гуань» («*Чжэнь-гуанья чжэнь-яо*», 729 г.).

Герои первых двух рассказов в этом разделе «Сборника» принадлежат к высшему придворному кругу. Но окружающие находят, за что презирать даже таких людей. Их недостаток – казалось бы, самый простительный: молодость.

В первом рассказе на насмешки отвечает юная госпожа Косикибу (ум. 1025) – дочь знаменитой поэтессы Идзуми-сикибу от первого брака. Действие происходит в начале XI в., девочка-подросток уже служит во дворе.

Госпожа Идзуми-сикибу, когда стала женой Ясумасы, отбыла в землю Танго. А в столице было назначено песенное состязание, и юную госпожу Косикибу, служительницу внутренних покоев, пригласили на него; она готовилась сложить песню. Средний советник Садаэри как-то в шутку сказал, чтобы Косикибу слышала:

– Вернулся ли уже гонец, посланный в Танго? До чего, должно быть, тревожно!

И прохаживался мимо её покоев.

Юная госпожа выглянула из-за занавеса, ухватила Садаэри за рукав придворного наряда:

<i>Оозяма</i>	Гора Ооэ
<i>Икуно-но мити-но</i>	На дороге Икуно
<i>Тоокэрэба</i>	Далеко, и потому
<i>Мада фуми-мо мидзу</i>	Я еще не вступала
<i>Ама-но хасидатэ.</i>	На Небесный мост.

Так она сложила. Он не ожидал, подумал: глупо получается...

– Но как? Как такое может быть?

Не сумел сложить ответную песню, выдернул рукав и сбежал.

С тех пор Косикибу в свете стали считать искусной сочинительницей песен. Конечно, так и должно было случиться, но этот господин не понимал: неужто она такую песню может сложить прямо сходу? (рассказ 3–1).

Фудзивара-но Ясумаса (958–1036), второй муж Идзуми-сикибу, ещё появится в этом разделе «Сборника». Местом его службы была провинция Танго к северо-западу от Столицы. Насмешник, Фудзивара-но Садаёри (995–1045) сам прославился как поэт и каллиграф, в описываемое время он ненамного старше Косикибу. Юноша намекает, что девица сочинять не умеет, а потому ждёт гонца от матери с песней для предстоящего состязания.

Гора Ооэ и другие названия в песне Косикибу указывают на землю Танго. Небесный мост (Ама-но хасидатэ) – достопримечательность тех мест, песчаная коса, поросшая соснами, пересекающая залив Миядзу, считается одним из самых красивых пейзажей в Японии. Песня примечательным образом противоречит сама себе. Её общий смысл – «Знать ничего не знаю про край Танго», тем самым Косикибу отвергает намёк Садаёри; однако слова свидетельствуют, что юная поэтесса прекрасно знакома с традицией «родных песен», *вака*, свободно владеет словарём поэтических топонимов и, конечно, знает, какие знаменитые места принято упоминать в связи с Танго.

Героем второго рассказа выступает Ооэ-но Масафуса (1041–1111) – книжник, поэт, знаток японской старины; составитель «Сборника» именно из его сочинений берёт многие придворные истории. Здесь Масафуса юн и, как многие придворные в начале карьеры, несёт службу в государевом Архиве, Куро:до-докоро.

Господин Масафуса в юности, когда служил в Архиве, как-то раз без дела слонялся по дворцу. Он был уже по-настоящему учён, но придворные дамы презирали его. Одна из них окликнула из-за занавеса:

– Вот, сыграй! – и подала ему японские гусли.

Масафуса без промедления сложил:

<i>Аусака-но</i>	У Склона встреч
<i>Сэки-но аната-мо</i>	Тех краёв, что за заставой,
<i>Мада минэба</i>	Я ещё не видал,
<i>Адзума-но кото-мо</i>	А потому восточных женских гуслей
<i>Сирарэдзарикиэри</i>	Освоить не довелось.

Дамы ничего не смогли ответить и перестали его дразнить.

Японские гусли иначе зовутся «восточными гуслиями» (рассказ 3–2).

Песню, приведённую здесь, не всегда приписывают Масафусе, иногда – его старшему родичу Ооэ-но Масахире (952–1012). Склон встреч, Аусака – застава на границе между столичной областью Ямасиро и землёй Оми, на дороге в Восточные земли, Адзума. Застава Аусака часто упоминается в любовных песнях, может указывать просто на условленное место свидания кавалера и дамы. Общий смысл песни Масафусы двойной: «Я ещё не бывал восточнее заставы Аусака» – или «Я ещё никому не назначал встреч, ни с кем не заключил любовного союза». Поэтому «я не знаю восточных гуслей», а также «мне неизвестны дела Восточных земель» (*Адзума-но кото*, здесь созвучны *кото*, «дела», «обстоятельства», – и *кото*, «гусли»); или же «мне незнакомы дела супружества» (топоним *Адзума*, «Восточные земли», созвучен выражению «*А-дзума*», «моя супруга»). Тем самым юноша принимает насмешки дам: да, я действительно ещё очень молод, неопытен в делах любви, – но показывает себя искусным стихотворцем. «Восточными», или «японскими», гусли *кото* (одна из разновидностей) называются в отличие от похожих музыкальных инструментов Китая и Кореи, также известных в Японии; «японские» гусли могут считаться женскими в отличие от иноземных мужских.

* * *

Следующие три рассказа ближе к тому, о чём говорится у «Мэнцзы»: не надо презирать простых людей. В рассказе 3–3 поэты собираются в заброшенной столичной усадьбе, принадлежавшей когда-то знаменитому стихотворцу. Они пируют и вслух читают «китайские стихи», *канси*: в кругу образованных мужчин в Японии принято было сочинять по-китайски, в подражание материковым поэтам. Вдруг из зарослей в саду выбирается старуха, по виду – нищенка. Она растрогана услышанным, но говорит, что одна из песен нехороша. Поэты хохочут и спрашивают, что же ей не понравилось, она отвечает – и оказывается, что простолюдинка хорошо разбирается в китайском стихосложении. В прежние годы она работала прачкой в этой усадьбе и часто слышала, как хозяин рассуждал о стихах. Поэты в смущении расходятся по домам.

Если простой человек способен понять китайские стихи, то тем более – «родные песни». В рассказе 3–4 действует господин Фусими Тосицуна (1028–1094), один из основателей японского искусства разбивки садов и прославленный ценитель всего прекрасного. Осенним

вечером Тосицуна собирает у себя в саду гостей, чтобы сложить песни о «луне над водой». Охранником у ворот стоит парень, лишь недавно прибывший из деревни; он просит выслушать и его песню тоже:

<i>Мидзу-я сора</i>	Вода или небо,
<i>Сора-я мидзу-то мо</i>	Небо или вода –
<i>Миэвакадзу</i>	Не пойму!
<i>Каёитэ сумэру</i>	Сияет высоко
<i>Аки-но ё-но цуки</i>	Луна осенней ночью.

Эта песня входит в несколько японских поэтических собраний, а рассказ о ней – в несколько сборников рассказов *сэцува*. Любопытно, как меняется смысл рассказа в зависимости от контекста. Например, в «Собрании песка и камней» («*Сясэкисю*»:», конец XIII в., рассказ Vб–2) эта же история служит примером того, как песни вызывают отклик в сердцах людей: там Тосицуна, растроганный, позволяет слуге вернуться в родные места. А в «Сборнике» главный итог рассказа тот, что знатные люди напрасно презирают простолюдинов; дальше приводится ещё одна песня простого воина, служившего в охране у Тосицуны.

Не только поэзию, но и музыку нередко считают доступной лишь избранным, и это тоже неправильно.

В одной усадьбе собирались дамы и играли на гусях. Как-то раз у них улетела и потерялась подставка-кобылка⁹. Подходящего слуги поблизости не было; дамы увидели ночного сторожа, подзвали его и велели: найди вон там в саду кленовую ветку с такой-то развилкой, срежь её так-то и принеси сюда.

– Дело нешуточное, – отозвался сторож, но срезал, принёс, подсунул под занавес и сказал:

– Вот вам временная подставка для гуслей, преподношу!

Дамы не ожидали, смутились:

– Зачем же мы так подробно ему объясняли! Какими дурами он нас, наверное, счёл!

И устыдились (рассказ 3–5).

⁹ Когда играют на гусях *кото*, под каждую струну ставится подставка (*котодзи*); без полного набора подставок играть невозможно.

* * *

Хотя учение Будды не велит презирать никого, миряне часто с презрением смотрят на монахов, а монахи – на мирян. Как подтверждают примеры из «Сборника», пренебрежительный взгляд на монахов в Японии во многом исходил из того, что они просят милостыню (как требует общинный устав). Дело здесь не столько в том, что монахи – нахлебники, не занятые службой или производительным трудом (такие упреки чаще можно встретить у китайских конфуцианцев), сколько в том, что подаяние мыслится как нечистое: монахи надевают чужую ношеную одежду, в том числе оставшуюся от умерших, пользуются чужой утварью, а значит, несут на себе скверну в синтоистском смысле слова.

В рассказе 3–6 некая дама поздней осенью молится в храме Киёмидзу на восточной окраине Столицы. Этот храм посещали многие вельможи и дамы, обстановка в нём подробно описана в «Записках у изголовья» Сэй-сёнагон. В храме почитали бодхисаттву Каннон, в частности, как заступницу женщин, а также как защитницу моряков и всех, кто путешествует по воде¹⁰. Нищая старуха ходит по храмовому двору, прося подаяния; погода холодная, но дождя нет, а нищенка одета в летнее платье и соломенный плащ-дождевик, и за это все над нею смеются, как над сумасшедшей. Дама, жалая её, отдает ей одно из платьев своего многослойного наряда, правда, лёгкое, без подкладки. Старуха принимает дар и неожиданно поступает не как другие нищие, а строго по храмовому уставу: относит платье туда, где монахи собирают пожертвования, и приобщает к остальным дарам. Кроме того, старуха просит у учётчиков кисть и бумагу и записывает песню:

<i>Коно киси-о</i>	От здешнего берега
<i>Когиханарэниси</i>	Я отчалила,
<i>Ама нарэба</i>	Ведь я – рыбачка,
<i>Оситэцукубэки</i>	Куда мне грести,
<i>Ура мо обоэдзу</i>	К которому заливу, – не помню.

Здесь *ама* – «рыбачка» и «монахиня», *ура* – «залив» и «подкладка». Из песни следует, что монахиня отбросила все помыслы о мир-

¹⁰ См.: Трубникова Н.Н., Бурькина А.П. Бодхисаттва Каннон со спутниками из храма Киёмидзу // Культура форма. К 60-летию А.Л. Доброхотова: сборник научных трудов / Под ред. И.А. Болдырева. М., 2010. С. 313–341.

ском, потому ей для себя ничего не нужно, хотя за подаяние она всё равно благодарна.

В этом же рассказе некий монах в старые времена просит милостыню в богатом доме, где хозяйка играет на гуслях; ему говорят: вот тебе подаяние музыкой! – и он соглашается, отвечая песней. Оказывается, это был послушник Миката, поэт, чьи песни входят в самую раннюю японскую антологию, «Собрание десяти тысяч поколений» («Манъё:сю:», VIII в.). Песня его звучит как любовная и довольно дерзкая по отношению к хозяйке, хотя можно эти же слова прочесть и как благочестивые.

Особенно глупо выглядят монахи, когда презирают своих же собратьев. В рассказе 3–7 несколько монахов из столичной округи направляются в дальнее паломничество и по пути, в деревенской глуши, располагаются на ночлег в хижине местного монаха. Один из паломников читает книгу, гостеприимец спрашивает, что это у него за чтение. Речь идёт о трактате «Махаянское прекращение неведения и постижение сути» (яп. «Мака сикан», кит. «Мо-хэ чжи-гуань», VI в.), одном из важнейших текстов дальневосточного буддизма; он содержит систематически изложенное учение о буддийском подвижничестве. Паломник уверен, что деревенский житель таких трудных сочинений никогда не читал, и в шутку отвечает: «Эта книга называется “Сикан”, но на самом деле четырёх свитков в ней нет» (слова «прекращение и постижение» созвучны словам *си кан*, «четыре свитка»). В ответ гостеприимец читает наизусть по-китайски начало трактата, и паломники понимают, что он ничуть не уступает им учёностью.

В рассказе 3–8 столичная дама весной любит цветы сливы в храмовом саду.

Тут подошли мужчины, кажется, учителя Закона [=монахи]; дама, должно быть, решила: что за неучливое сборище! – и поспешила уйти. На женщине было надето лёгкое платье, изрядно пожелтевшее, и монахи стали насмешничать:

<i>Хана-о мисутэтэ</i>	Не стала смотреть на цветы,
<i>Каэру сарумаро</i>	Уходит барышня обезьяна.

Такие строки они прочли, как для песенной цепочки. Дама немедленно ответила:

<i>Хоси мабору</i>	Глядя на звезды,
<i>Ину-но хоэру-ни</i>	Псы завыли –
<i>Одорокитэ</i>	И она испугалась.

Монахи устыдились и удалились.

Эта дама была дочерью господина Сюндзэя, она замечательно сочиняла песни и отличалась редкостной красотой (рассказ 3–8).

Монахи не понимают, что перед ними знатная дама, и смеются над ней как над замарашкой, да к тому же пугливой, словно обезьяна, – не понимая, что линялое платье в этом случае не признак бедности, а примета изысканного вкуса: слишком старательно наряжаться для одинокого любования цветами было бы неуместно. Слова монахов складываются в завершающую часть песни *танка* (7+7 слогов), дама отвечает, как если бы это был вызов при игре в «песенные цепочки», *рэнга*, и сочиняет начальную часть песни (5+7+5 слогов). В описываемое время *рэнга* в основном служат развлечением, позже они станут самостоятельным жанром серьезной поэзии. Дама, известная под прозвищем Дочь господина Сюндзэя (1171–1252), на самом деле доводилась не дочерью, а внучкой Фудзивара-но Сюндзэю (1114–1204), знаменитому поэту и теоретику поэзии. «Дочь Сюндзэя» прославилась как поэтесса и как знаток японской словесности, ей, вероятно, принадлежат «Записки без названия» («*Мумё: дзо:си*») – одно из первых японских литературно-критических сочинений¹¹.

Рассказ 3–9 содержит похожий обмен шутливыми строками, только китайскими: придворный учёный пытается на пиру насмеяться над собратом, а тот неожиданно остроумно отвечает.

Следующий рассказ подводит итог теме предвзятого отношения к людям, его герои – мастера борьбы сумо конца XI в., выступавшие на придворных состязаниях. (Такие состязания борцов в Японии известны с древности, на них силачи разных областей страны показывали свою покорность государю.) Место действия – усадьба Фудзивара-но Нагадзанэ (1075–1133), одного из приближённых отрекшегося государя Сиракавы.

После состязаний борцов в дом господина среднего советника Нагадзанэ [...] явился борец по имени Корэтоо [...] с сыном по имени Корэнари.

¹¹ См.: Записки без названия (*Мумё: дзо:си*) / Пер. со старояп., пред. и комм. Ю.Е. Гвоздиковой // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ*. Вып. XVI. История и культура традиционной Японии / Под ред. И.С. Смирнова, отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: РГГУ, 2008. С. 191–392.

Их подобающе приняли, подали сакэ и всё прочее, но тут явился борец по имени Хиромицу. Его позвали в ту же комнату, все вместе выпили по несколько чарок. В пьяном виде Хиромицу завёл безумные речи. Среди прочего, обращаясь к хозяину, он сказал:

– Нынешних борцов, едва они подрастут, почём зря величают мастерами [*хатэ*], разрешают им ходить со свитой [*ваки*]. В старину дело решали победы в схватках: ими выявлялось мастерство, за них удостоивали наград, поэтому и товарищи-борцы замыкали уста, и люди в свете признавали победителей. А нынче настал никчёмный век!

Корэтоо несколько выпрямился и ответил:

– Ты, не иначе, говоришь про Корэнари. Моему обормоту в этот раз действительно разрешили ходить со свитой, как мастеру. Верно ты говоришь, трудно избежать пересудов. Так не изволишь ли испытать его?

Хиромицу усмехнулся:

– Да я же сказал правду, ничего больше. Рад буду испытать.

Протянул левую ладонь: дай, мол, руку. Корэнари поправил рукава, почтительно поклонился, а сам следил за лицом отца. Отец его, Корэтоо, сказал:

– Ну, раз он так говорит, испытай его.

Когда отец подтвердил свои слова, Корэнари правой рукой крепко ухватил протянутую руку Хиромицу. Хиромицу двигался так, будто тянет его на себя, но тот не сдвинулся с места. Тогда Хиромицу в шутку соединил правую руку с левой, делал вид, словно бы тянет изо всех сил. Но похоже было, что ему трудно. Корэтоо сказал:

– Ладно, хватит.

И Корэнари отпустил руку.

Хиромицу молвил:

– Что это за способ состязания? Победителя так мы не определим. Нужна настоящая схватка.

Отошёл в тёмный угол, завязал рукава сзади¹², подтянул повыше завязки штанов, выбежал в сад и крикнул:

– Спускайся сюда! Спускайся!

Корэнари смотрел на это и почтительно ждал. Корэтоо повторил:

– Раз он так говорит, скорее спускайся и схватись с ним.

¹² Способ подготовиться к работе, драке и т.п., когда человек одет в японское нарядное платье, широкое и затрудняющее движения. Верхняя подпоясанная одежда стягивается с плеч, рукава завязываются узлом сзади.

Корэнари тоже отошел в темный угол, потуже перевязал пояс, спустился во двор, встал лицом к лицу с противником. Обликом он выделялся из толпы, силой превосходил других людей, обличем был подобен царю демонов, будто бы вдруг сюда явился один из Силачей¹³. Хиромицу тоже повернулся к супостату и тоже выглядел безупречно.

Все начиная с хозяина дома глядели во все глаза, волновались и перешептывались. Корэнари немного приблизился, схватил Хиромицу за руку и мощно потянул на себя, тот упал и перекувырнулся. Все чрезвычайно удивились.

Хиромицу тут же встал:

– Это не считается. Давай ещё раз.

И бегом бросился вперёд. Корэнари снова взглянул на отца и на встречу противнику не двинулся. Корэтоо крикнул:

– Давай сейчас же вперёд, испытай его!

Корэнари снова схватил руку Хиромицу, резко толкнул назад и тут же повалил, на сей раз тот упал на спину.

Чуть помедлив, Хиромицу поднялся, надел шапку, что свалилась у него с головы, преклонил колени перед господином [Нагадзанэ], пролил частые слёзы и сказал:

– Нынче я был в твоём доме в последний раз!

И выбежал вон, и вскоре постригся в монахи.

Когда об этом услышал государь-монах [Сиракава], то молвил:

– Это никуда не годится! Что до людей, кто продвигается в мастера борьбы, до их свитских и тому подобного, то победителя нелегко определить даже при дворе. Что уж тут говорить! На моих состязаниях такое было бы пределом неприличия!

Так господин Нагадзанэ огорчил государя-монаха (рассказ 3–10).

Вероятно, раздражение государя вызвано тем, что его приближённый позволил борцам у себя в усадьбе мериться силой всерьёз и тем поставил под сомнение итоги придворных состязаний, где награды распределялись согласно множеству политических соображений, не связанных с самой борьбой сумо.

¹³ *Рикиси*, речь идёт об Алмазных силачах, *Конго*:-*рикиси*, они же Человеколюбивые государи, *Нио*:, божества-защитники, чьи изваяния помещают у входа в буддийский храм. Алмазных силачей изображают могучими, в грозных позах и со свирепыми лицами.

* * *

Следующие шесть рассказов посвящены тому, как умные люди даже под невзрачным обликом видят выдающегося человека и оказывают ему подобающее уважение. Первый такой пример – случай из жизни Фудзивара-но Ясумасы, наместника провинции Танго (ср. выше). По пути из Столицы к месту службы Ясумаса встречает на дороге седовласого всадника. Тот отдыхает, не слезая с седла, и никого не замечает. Стража наместника собирается уже проучить старика за неучтивость, но Ясумаса её останавливает. Перед нами великий воин! – говорит он, – это видно по посадке и повадке. Вскоре Ясумаса узнаёт, что встретился ему не кто иной как Тайра-но Мунэёри (ум. 1011), знаменитый военачальник на покое.

В рассказе 3–12 упомянуты Гао-цзу, основатель китайской династии Хань, и Сян Юй, его соратник, а потом соперник. Оба они вошли в историю как образцы воинской доблести, как противники, уважавшие друг друга. Поразительно и поучительно, что Гао-цзу победил Сян Юя и стал правителем – но погиб от шальной стрелы, когда замирал мятеж своего родича-предателя, которого презирал.

Ни в каком деле не надо презирать людей. Вообще говоря, даже у мудреца среди десяти тысяч мыслей попадается одна глупая. И у дурака на тысячу глупостей попадается одна достойная мысль. И ту одну мысль из тысячи надо принять, и ту одну из десяти тысяч надо отвергнуть (рассказ 3–12).

Ниже составитель «Сборника» приводит старинные изречения и примеры насчет того, что надо прислушиваться к словам простых людей. Как сказано в китайской «Книге песен»: «Древний народ говорил, что разумен лишь тот, Кто и у сборщика сучьев советы берёт»¹⁴. Древнейший Жёлтый государь, согласно книге «Чжуан-цзы», советовался с мальчишкой-табунщиком, как управлять Поднебесной. «Среди разговоров на улице и пересудов на перекрестке¹⁵ непременно звучит что-то, что полезно услышать».

В Японии XIII в. лучшими временами японской истории, самыми мирными и просвещёнными, считались первые два десятилетия X в., правление государя Дайго, и 950-е гг., когда правил его сын Мурака-

¹⁴ «Великие оды», II, 10, пер. А. Штукина.

¹⁵ Кит. *цзетань сянишо*, яп. *гайдан ко:сэцу*, выражение, вероятно, восходит к

ми. В рассказе 3–13 государь Мураками расспрашивает пожилого дворцового слугу: какие придворные обычаи изменились сейчас по сравнению с тем, что было при моём отце? Слуга затрудняется с ответом, заверяет, что всё идёт как прежде, но в итоге говорит: раньше выносили меньше факелов, когда объявляли новые назначения чиновников на должности. Государь, тронутый его словами, распоряжается восстановить прежний распорядок.

Не столь безусловная, и всё же добрая слава принадлежит чуть более поздней поре, когда дела правления в Японии вершил канцлер Фудзивара-но Митинага (966–1028); его блестящий век отражен в «Записках у изголовья», «Дневнике Мурасаки-сикибу», в «Великом зеркале» и других самых знаменитых произведениях японской классической словесности. В рассказе 3–14 говорится о том, как Митинага умел распознавать дарования в людях. Канцлер едет по делам; впереди него чья-то вьючная лошадь мешает проезду. Оказывается, мальчик-погонщик на ходу читает книгу, оттого и не следит за дорогой. Канцлер вглядывается в его лицо, понимает, что мальчик весьма смышлён, и распоряжается, чтобы его взял в ученики придворный учёный. Позже мальчик станет приёмным сыном учителя, получит имя Ооэ-но Токимунэ, сделает карьеру, прославится как знаток китайских наук, в том числе даосских способов продления жизни, и доживёт до глубокой старости (скончался Токимунэ во второй половине XI в., когда расцвет дома Фудзивара уже миновал).

Рассказ 3–15 из всех, вошедших в третий раздел «Сборника наставлений», привлёк наибольшее внимание исследователей¹⁶. Герои его – монах и девица-куртизанка, его обсуждают в исследованиях по гендерной проблематике, а также при сопоставлении буддийского и христианского отношения к «падшим».

Монах Сёку (917–1007) прилежно читает сутры, молясь о том, чтобы однажды увидеть во плоти бодхисаттву по имени Всеобъемлющая Мудрость (яп. Фугэн, санскр. Самантабhadра) – милосердного заступника всех тех, кто чтит «Лotosовую сутру». И вот, однажды, задремав над книгой, он слышит слова: отправляйся в такой-то весёлый дом в местности Кандзаки и там увидишь бодхисаттву. Про-

«Обзору трёх царств» (кит. «Саньго-чжи»), III в., «Обзор царства Вэй», 19, 2).
¹⁶ См.: *Marra M.* Representations of Power: The Literary Politics of Medieval Japan. Honolulu, 1993; *Kawashima T.* Writing Margins: The Textual Construction of Gender in Heian and Kamakura Japan. Cambridge, Mass., 2001.

снувшись, он находит услышанное странным, но следует совету, приходит в указанное место, видит пирующих гуляк и хозяйку. Та поёт песню:

В Муродзуми, что в Суо,
Вода для омовения рук
Даже в безветрие
Колеблется волнами.

Муродзуми – побережье в краю Суо, воспетое японскими поэтами. «Вода для омовения рук» – *митараи*; возможно, имеется в виду ёмкость для воды при входе в храм или святилище, а возможно, Митараи здесь – название места.

Монах всматривается и видит на месте хозяйки Фугэна верхом на белом слоне с шестью бивнями. Сияние от лица бодхисаттвы озаряет всё вокруг, «освещает монахов и мирян, знатных и простых, мужчин и женщин». Фугэн произносит такие слова:

В море великом, что не волнуется,
отмеченное истинным знаком,
Даже когда не дуют
ветра пяти помрачений и шести желаний,
Волны истинной сущности следуют связи причин,
и нет такого часа, чтобы они не вздымались.

В этих стихах кратко выражена основная мысль «Лотосовой сутры». Непостоянный мир, где бесчисленные существа рождаются, живут, умирают и рождаются снова, подобен «великому морю». Этот мир отмечен «истинным знаком», «истинным свойством», *дзиссо*., всё в нём имеет ту же природу, что и у будды, и поэтому всё по сути вечно, не подвержено «волнению». Но и когда нет основы для «волнения», страдания – то есть нет «пяти помрачений», *готин* (по числу органов чувств) и «шести желаний», *рокуёку* (неутолимых стремлений к удовольствиям пяти чувств и ума), – даже тогда на уровне «истинной сущности», *синнё*, в мире всегда есть движение, обусловленное по закону воздаяния, сообразное «связи причин», *дзуйэн*. Иначе говоря, даже просветлённый будда «движется», действует в непостоянном мире, а значит, просветление и милосердие будды в этом мире присутствуют всегда и всюду.

Слыша это, монах не смог сдержать слёз. Когда он открыл глаза и осмотрелся, то по-прежнему увидел перед собой облик женщины,

певшей песню: «В Муродзуми, что в Суо...». А когда закрыл глаза, то ему опять явился образ бодхисаттвы, что возвещает учение во вратах Закона.

Досточтимый несколько раз почтительно поклонился и в слезах двинулся было восвояси, но вдруг хозяйка встала с места, подошла прямо к нему и сказала:

– Не нужно этого рассказывать другим.

И тут же упала замертво. Чудесное благоухание наполнило воздух, чрезвычайно приятное. Когда хозяйка скоропостижно скончалась, веселье тут же прекратилось, слезам сострадания не было конца.

Досточтимый всё глубже тонул в слезах и побрёл в обратный путь, не разбирая дороги.

Эта хозяйка – из разряда тех женщин, кто предается плотским страстям; кто бы мог подумать, что она была превращённым телом бодхисаттвы в условном обличии? Благодаря милосердным обетам будд и бодхисаттв и их уловкам, служащим для руководства живыми существами, разделяются всевозможные обличия, и для того пути, на который они указывают, не важно, что человек ничтожен (рассказ 3–15).

Весь рассказ о монахе Сёку и девице из Кандзаки похож на другую, ещё более знаменитую историю: о монахе Сайгё: (1118–1190) и девице из Эгути. В ней дева веселья также оказывается «условным обличием» бодхисаттвы Фугэна; эта история стала основой для пьесы театра Но «*Эгути*» и ее многочисленных переложений.

Ниже в «Сборнике» в рассказе 3–15 говорится, как двое современников Сёку, монахи-книжники Гэнсин и Какуун, приходят к нему побеседовать о Законе Будды. Они спрашивают, обретет ли спасение тот, кто подвижничает в одиночку, лишь для себя; Сёку отвечает: может, да, а может, и нет, это не важно. Гости говорят: мы посетили тебя, потому что здесь, в уединении, тебе не с кем заняться толкованием учения. «Это учение мне открывает и разъясняет Всеобъемлющая Мудрость», – говорит Сёку, и гости восхваляют его как живого будду, то есть, в свою очередь, преодолевают в себе презрение книжников к скромному отшельнику.

* * *

Заключительный рассказ этого раздела перечисляет выдающихся людей Японии, вышедших из низов. Простым крестьянином по рождению был знаменитый подвижник, монах Гёки (668–749); он обошёл всю Японию, побуждая жителей строить мосты, дороги и другие общепользные сооружения. В семье ссыльного в дальнем захолустье родился Кукай (774–835), другой знаменитый монах, чудотворец, поэт и каллиграф, основатель множества храмов по всей стране. Два выходца из незнатных чиновничьих семей благодаря дарованиям и усердию достигли высших должностей: Великий министр Киби-но Макиби в VIII в. и Левый министр Авата-но Арихира в X в. И в Китае в древности бывало так, что простолюдины становились ближайшими советниками государей или даже государями. Случается, что в правящей семье рождаются такие изверги, как последние цари китайских династий Ся и Инь: оба правили столь жестоко и безрассудно, что в итоге лишились власти. А бывает, что в самых бедных семьях рождаются такие даровитые люди, какими были ученики Конфуция.

По всем примерам можно понять: имея дело с людьми, не надо презирать их по разряду, а надо ценить их сердце. Когда думаешь: «Простой человек не обязательно глуп», – получается согласно этим словам.

А ещё: «Для кого дело в должности, а не в человеке, тех людей называют маленькими. Если маленький человек занял должность, то порой служит так, что лучше бы она пустовала», – так говорят. Поистине, даже если у человека много поколений предков все происходят из дома Чистых цветов [= из рода Фудзивара], но если он по способностям не годится, ему трудно бывает принять родовое наследство. «Маленьким человеком» называют не того, кто молод по годам, а того, кто глуп по дарованиям и низок по разумению.

Ещё говорят: «У кого есть путь и Доблесть, того называют Сыном Неба, а у кого нет Пути и Доблести, того называют маленьким человеком». Допустим, кто-то правит страной, но если его помыслы глупы, то его неизбежно назовут маленьким человеком. Вообще, если кого-то считают выдающимся мудрецом, то не бывает, чтобы его почитали случайно. А если кто-то обычный человек, то нужно сомневаться: точно ли он непременно ошибается.

Но оставим людские дела. Те китайские государи, кто презирал богов земных и небесных, не считался с ними, долго не царствовали. Те сановники нашей страны, кто легкомысленно относился к Закону Будды, отступал от него, не избежали бедствий от Неба. Что уж и говорить об обычных людях!

Рассуждения о «маленьком человеке», кит. *сяожэнь*, отсылают к «Беседам и суждениям» Конфуция и к традиции толкований этого текста. Уважая разделение людей на низших и высших, конфуцианец должен помнить, что по сути мелким человеком может оказаться и правитель, а великим – безвестный простолюдин. Человеческая «малость», «ограниченность», состоят в том, чтобы придавать слишком много значения славе и корысти, в конечном счете – слишком держаться за место в иерархии (считать, будто «дело в должности, а не в человеке»); тогда, сколь бы высоким ни было место, человек на нём оказывается «мелким». Такова обычная точка зрения, и составитель «Сборника» не оспаривает её. Показательно, однако, что он здесь ни разу не упоминает то понятие, которому обычно противопоставляется *сяожэнь*, – понятие «благородный муж», кит. *цзюньцзы*. Для составителя «Сборника» два требования жёстко не связаны между собой: не пренебрегать простыми людьми, но презирать саму ограниченность; не искать чинов и почестей, но самому стараться соответствовать высоким меркам благородства. Скорее, здесь проводится правило терпимости: кто мал, а кто велик, так или иначе выясняется в отношениях между людьми, но никому из нас незачем выставять себя на посмешище, пытаясь возвыситься за счёт ближних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Записки без названия (*Мумё: дзо:си*) / Пер. со старояп., пред. и комм. Ю.Е. Гвоздиковой // *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. XVI. История и культура традиционной Японии / Под ред. И.С. Смирнова, отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: РГГУ, 2008. С. 191–392.

Дзиккинсё / Под ред. Асами Кадзухико // Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю [Полное собрание памятников японской классической литературы. Новая серия]. Т. 51. Токио: Сёгаккан, 1997.

Kawashima T. Writing Margins: The Textual Construction of Gender in Heian and Kamakura Japan. Cambridge, Mass.: Harvard University Asia Center, 2001.

Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Издание подготовил А.Н. Игнатович. М.: Ладомир, 1998.

Marra M. Representations of Power: The Literary Politics of Medieval Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993.

Мэн-цзы / Предисловие Л.Н. Меньшикова. Перевод с китайского, указатели В.С. Колоколова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

Трубникова Н.Н., Бурькина А.П. Бодхисаттва Каннон со спутниками из храма Киёмидзу // Культура форма. К 60-летию А.Л. Доброхотова: сборник научных трудов / Под ред. И.А. Болдырева. М.: ГУВШЭ, 2010. С. 313–341.

Трубникова Н.Н. «Равные помыслы»: истории о дружбе в японской словесности (по «Сборнику наставлений в десяти разделах») // Человек. 2015. № 6. С. 142–160.

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Trubnikova Nadezhda Nikolaevna

DSc in Philosophy, Deputy Chief Redactor, Voprosy Filosofii Journal, Russia, Moscow, 117997, Profsoyuznaya Str., 90; Senior Researcher, School of Actual Studies in Humanities RANEPА, Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82; Professor, The Institute of Asian and African Studies, Lomonosow Moscow State University, Russia, Moscow, 125009, Mokhovaya Str., 11. E-mail: trubnikovann@yandex.ru.

No Contempt to Human Affairs: Confucianism in Japan in 13th Century and the “Mean Man” Problem

In Japan, we find Confucian teaching presented, among others, in the texts of “popular” genre of philosophy, addressed not to learned, but to young people. The purpose of such texts is to introduce into Chinese and Japanese classics. One of them, Jikkinshō (“Collected admonitions in ten sections”, 1252) includes instructive stories about Confucian, Buddhist and other maxims useful in everyday life. The paper deals with two sections of Jikkinshō (2 and 3) recounting examples of arrogance (jp. kyōman) and scorn (jp. bu/anadoru). What makes a human person “great” or “mean”? How can we separate a proper, decent behavior from arrogant, where lies the boundary between the respect for social hierarchy and the contempt for others? Why is it dangerous to underestimate others? In Jikkinshō, these practical moral problems are considered on examples from stories of famous people of China and Japan. The article proposes partial translation of Jikkinshō (sections 2 and 3).

Keywords: Japanese thought, Confucianism, Buddhism, Jikkinshō.